

И Ъ С Н Я

Р А Т Н И К О В Ъ

В С Е О Б Щ А Г О

О П О Л Ч Е Н І Я.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Ивана Глазунова
1812 года.

2027.

ф - 7.

Печатать позволяется,

С. Петербургъ. 1812 года, Ноября 4 дня.

Цензоръ Иванъ Тилковской.

.....

П Ъ С Н Я

Р А Т Н И К О В Ъ.

Ни видѣмъ, брагпы, зла не вѣдано,
Ни слыхѣмъ пакихъ бѣдъ не слыхано,
Что пеперь въ Руси совершаешя;
Что въ Москвѣ нашей приключилося.

Ни Тапарове, ни Поляки вспарь,
Сиполько люпоспей не надѣлали,
Какъ Французишки провожадные,
Бонапаршевы псы несыпые.

Врагъ вселенной всей, другъ нечеспїа,
Омѣрзѣніе человѣчеспва,
Наважденіе сапанинское,
Бонапаршъ вскочилъ въ каменну Москву.

Онъ взошелъ въ нее, какъ разбойникъ злой:
Всѣ ограбилъ въ ней храмы Божїи,
Всякъ оларь попраля поруганіемъ,
Осквернилъ внупри непопробсвами.

Ризы чеспныи на попоны рвалъ,
На помоспъ церквей лошадей вводилъ,
Со свяпыхъ иконъ всѣ оглады снїалъ,
Зелено вино изъ сосудовъ пилъ.

Домы барскіе онъ разграбилъ всѣ,
Ихъ сокровища захватилъ въ корысть;
Чего жъ взять немогъ — испребилъ въ огнь;
Не успѣлъ слошнить — вымилъ на земаю.

Наругался онъ надъ невинностію:
Дочерей и женъ, намъ оспившихся,
Всѣхъ ловилъ къ себѣ, съ звѣрской лютостію,
Не въ любовь склонялъ — а насилуя.

Руку хищную на гроба простеръ:
Вскрылъ онъ прежде ихъ суда Божія;
Шевельнулъ костями нашихъ праотцовъ;
Размешалъ ихъ прахъ по сырой землѣ.

Но и симъ, злодѣй, недоволенъ былъ:
Обращилъ свой лѣдъ на безчувственныхъ;
Онъ пустилъ огонь по часнимъ Москвы,
Сжегъ красавицу бѣлокаменну.

Чего сжечь немогъ, то разрушилъ онъ:
Крѣпкой городъ Кремль, древни зданія,
Домы Царскіе, дивны перемы,
И палаты всѣ взорвалъ порохомъ.

Плачь и стонъ вселилъ во святую Русь:
Наждой домъ одѣлъ въ плащъе черное;
Онъ вдовѣвъ пустилъ многи тысячъ,
Въ сиротиснѣвъ спраданы — чпо и счопу нѣтъ.

Опиралъ всякіе въ селахъ промыслы,
Города лишилъ онъ торговли всей;
Запереть хотѣлъ наши пристани,
Пересѣчь торги съ Аглицанами.

А споявъ въ Москвѣ, онъ народъ хваталъ,
Чѣпобъ паскалъ ему, такъ какъ лошади,
Имъ награбленны всѣ сокровища;
Кипо же снести немогъ — пѣхъ кололъ какъ снопы.

Созывалъ крестьянъ, мастеровъ скупалъ,
Объидавъ покой, вольность всякому;
Но прельстивъ однихъ, захвативъ другихъ,
Подвергалъ ихъ всѣхъ злымъ мученіямъ.

Билъ несчастныхъ жертвъ, безоружныхъ;
А побивъ лишилъ погребѣнія,
И на улицахъ бросилъ трупы ихъ,
Псамъ прожорливымъ на съѣденіе.

Когда жъ нѣчево спало жрать ему,
Взвылъ тогда, злодѣй, какъ голодной волкъ:
Распустилъ окрестъ сволочь жадную,
Какъ звѣрей степныхъ пожирати нашъ хлѣбъ.

Граблѣ спали насъ, какъ разбойники,
И какъ демоны — всѣхъ насиловать;
А скрывавшихся, такъ какъ псы искать;
Убѣгающихъ — на бѣгу спрѣлать.

Такъ воспанемъ же, мужи храбрые,
Царя Бѣлаго вѣрноподданны,
На ЕГО врага вѣроломнаго,
На злодѣя всей поднебесныя.

Ополчимся мы крестнымъ знаменемъ,
Опояшемся вѣрой правдою;
Опомспимъ врагу за престолъ Царей,
За Москву городъ, всѣхъ градовъ красу.